

WORLD CLASSICS BOOKS

ВАСИЛИЙ
АВЕНАРИУС

ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ
ПУШКИНА

Москва
T8 RUGRAM
2020

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
А19

Авенариус, В.П.

А19 Юношеские годы Пушкина / В.П. Авенариус. — М. : Т8
Издательские технологии / World Classics Books, 2020. —
484 с. — (World Classics Books).

ISBN 978-5-517-00697-4

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Ильи Ефимовича Репина «А.С. Пушкин на акте в Лицее 8 января 1815 года читает свою поэму «Воспоминания в Царском селе», 1911, частное собрание, Прага, Чехия.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-00697-4

© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Содержание

Глава I	7
Глава II	22
Глава III.	44
Глава IV.	60
Глава V	82
Глава VI.	96
Глава VII.	114
Глава VIII	134
Глава IX.	152
Глава X	171
Глава XI.	186
Глава XII	205
Глава XIII	223
Глава XIV	236
Глава XV	251
Глава XVI	265
Глава XVII.	281
Глава XVIII	289
Глава XIX	303
Глава XX	317
Глава XXI	335
Глава XXII.	348

Глава XXIII364

Глава XXIV384

Глава XXV.....400

Глава XXVI424

Эпилог.....444

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен...
...Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепется,
Как пробудившийся орел.*

«Поэт»

Глава I

ЛИЦЕЙСКОЕ МЕЖДУЦАРСТВИЕ

Лошади шли шагом и скоро стали.

— Что же ты не едешь? — спросил я ямщика с нетерпением.

— Да что ехать? — отвечал он, слезая с облучка. — Невесть и так куда заехали: дороги нет, и мгла кругом.

«Капитанская дочка»

В солнечный полдень весною 1814 года по крайней аллее царскосельского дворцового парка, прилегающей к городу, брели рука об руку два лицеиста. Старший из них казался на вид уже степенным юношей, хотя в действительности ему не было еще и шестнадцати лет. Но синие очки, защищавшие его близорукие и слабые глаза от яркого весеннего света, и мечтательно-серьезное выражение довольно полного, бледного лица старообразили его. С молчаливым сочувствием поглядывал он толь-

ко по временам на своего разговорчивого собеседника, подростка лет пятнадцати, со смуглыми, неправильными, но чрезвычайно выразительными чертами лица.

— Что же ты все молчишь, Дельвиг? — нетерпеливо прервал последний сам себя и, сняв со своей курчавой головы форменную фуражку, стал обмахиваться ею. — Однако как жарко!..

— Да... — согласился Дельвиг, как бы очнувшись от раздумья.

— Что «да»?

— Жарко.

— Ну, вот! Битый час рассыпаю я перед ним свой бисер...

— Да я совершенно согласен с тобой, Пушкин...

— В чем же именно? Ну-ка повтори!

Дельвиг усмехнулся пылкости приятеля и дружелюбно пожал ему рукою локоть.

— Повторить, брат, не берусь. Я следил не столько за твоим бисером, как за тобой самим, и с удовольствием вижу, что ты делаешься опять тем же живчиком, каким был до смерти Малиновского.

— Да, жаль Малиновского! — вздохнул Пушкин, и легкое облако грусти затуманило его оживленный взор. — Такого директора нам уж не дожидаться...

— Ну, жаловаться нам на свою судьбу покуда грех: учись или ленись — ни в чем ни приказа, ни заказа нет; распевай себе свои песни, как птичка Божия...

— То-то, что еще не поется!.. Смотри-ка, кого это к нам несет? — прибавил он, подходя к чугунной решетке парка. — Таковую пыль подняли, что и не разглядишь.

Из-за столба пыли, приближавшегося по большой дороге, вынырнула в это время верхушка старомодной почтовой громады колымаги.

— Ноев ковчег! — рассмеялся Пушкин. — А на козлах-то, гляди-ка, рядом с ямщиком, старая ведьма киевская!..

— И нас с тобой, кажется, увидела, — подхватил Дельвиг, — машет сюда рукой...

— Верно, тебе, барон!

— Нет, я ее не знаю. Вот и зубы оскалила, головой кивает: верно, тебе, Пушкин.

Но Пушкин уже примолк и судорожно схватился рукою за холодную решетку.

«Неужели это няня Арина Родионовна?» — промелькнуло у него в голове, и дух у него заняло, сердце забилося.

Между тем колымага по ту сторону решетки поравнялась уже с ними. «Киевская ведьма» наклонилась с козел к окну колымаги. И вот оттуда, из-под развевающего голубого вуаля, выглянуло свежее, как розан, личико.

— Александр! — донеслось к нему. Белый носовой платок взвился в воздухе — и колымага прогремыхала мимо, заволакиваясь прежним облаком пыли.

— Оля! — вырвалось у Пушкина, и он бегом пустился по тому же направлению, вверх по аллее, к выходным воротам парка.

— Кто это? — кричал ему вдогонку Дельви́г.

— Наши! — ответил, не оглядываясь, Пушкин и, добежав до ворот, бросился через улицу к лицу.

«Ноев ковчег» стоял уже у лицейского подъезда. Швейцар высаживал оттуда под руку видную даму лет тридцати пяти.

— Матушка! Какими судьбами? — окликнул ее по-французски Пушкин и хотел кинуться к ней на шею.

— Что с тобой, Александр? Обниматься на улице! — на том же языке охладила мать его неуместный порыв и дала ему приложиться только к ее лайковой перчатке.

Барон Дельви́г остановился на тротуаре в десяти шагах от них и был невольным свидетелем этой форменной встречи.

«Так вот она, Надежда Осиповна Пушкина, прекрасная креолка, как зовут ее во всей Москве, — сказал он про себя. — Действительно, она еще очень хороша, и какое изящество в каждом движении, какая надменность в осанке!»

Вслед за Надеждой Осиповной из колымаги выпорхнула, уже без помощи швейцара, молоденькая барышня. По фамильному сходству Дельви́г тотчас сообразил, что это сестра Пушкина, Ольга Сергеевна. Она, как видно, приняла к сведению замечание матери, потому что милостиво только коснулась губами щеки брата.